

Николай Попов

AU

Альтернатива

Николай Ефимович Попов

Альтернатива

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48780516

ISBN 9785005084347

Аннотация

Читателю предлагается несколько рассказов фантастического содержания. Кроме того, в этот сборник включены сюжеты и на бытовые темы. Книгу объединяет название самого первого повествования – «Альтернатива». Герой рассказа во время Второй мировой войны попадает в мир, где военные действия развиваются по другому сценарию. Читайте также в этом сборнике зарисовки о любви.

Содержание

Альтернатива	8
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Альтернатива

Николай Ефимович Попов

Дизайнер обложки Вия Трофимовна Малова

© Николай Ефимович Попов, 2019

© Вия Трофимовна Малова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8434-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Итак, о рассказах. Некоторые из них были опубликованы в газете «Наше слово». Я благодарен за это тогда ответственному секретарю, теперь покойному Михаилу Филиппову. Царство ему небесное. Ненавязчиво он старался втянуть меня в газетную суету, подсказывал темы для статей, в любое время находил минуту-другую, чтобы побеседовать по делу или просто по душам. Рассказ «Гостья», переделанный немного по просьбе Михаила, был опубликован целиком, несмотря на дефицит газетных полос. Районная газета перешла на книжный формат, стала применяться компьютерная вёрстка, и мне это очень импонировало. Филиппов догады-

вался об этом, понимал, что автор хочет увидеть напечатанной свою вещь в книжном формате. Я писал мало, как всегда, социальные, культурные и даже религиозные вопросы требовали какой-то оценки, обсуждения. Иногда предлагал кинокритику. Ответственный секретарь мне льстил: «Николай, ты пишешь не часто, но тебя прочтут все». Это чтобы подтолкнуть меня к новым материалам, рассказам.

Из всех помещённых в этой книге рассказов хочу выделить один: «Виртуальная ошибка», памфлет фантастического содержания на общественно-политическую тему. Материалом для рассказа послужила реальная книга Эрика К. Дрекслера, выпускника Массачусетского технологического института, «Двигатели созидания». Выдержки из книги публиковались в научно-популярной серии «Радиоэлектроника и связь». Сама книга вышла в США в 1986 году. В настоящее время Эрик Дрекслер работает в Лаборатории космических систем этого же института. В книге показана широкая и целостная картина величайшего переворота в истории науки и техники, который, по мнению автора, может произойти в первой половине XXI века в результате освоения человечеством альтернативной технологии получения изделий путём сборки их буквально по атомам!

Здесь говорится о так называемой нанотехнологии. Нано..., кто не знает, значит маленький, в переводе с греческого карликовый. Стало быть нанокomпьютеры и наномашины, которые и позволяют указанную выше сборку изде-

лия по природным «кирпичикам», т.е. атомам. Что из этого может выйти, читайте в рассказе «Виртуальная ошибка». А кто заинтересуется книгой «Двигатели созидания», могут поискать её в Интернете. В оригинале она называется так: Drexler E.K. Engines of creation Garden City (N.Y.). – Anchor Press. – 298 p.

Человеческое любопытство не знает границ. Мы всё ближе к тайнам природы. Истина где-то рядом. Но вот беда: благими намерениями выстелена дорога в ад. Не стоит забывать мудрую мысль. И в этом смысле наш памфлет «Виртуальная ошибка» можно назвать предупреждением человечеству, поскольку чудесные Двигатели Созидания могут легко превратиться в Двигатели Разрушения, смотря в чьи руки Они попадут. Думал ли над этим учёный из штата Массачусетс? Мы не знаем. За последние пятнадцать лет я мало что слышал о нанотехнологии, равно как об ассемблерах, репликаторах и прочих аксессуарах новейшего формообразования. Вполне возможно, что технология уже отработана и апробирована. Во всяком случае, это достаточно опасно, ибо ядерное оружие померкнет перед новой грозной силой.

И чтобы не заканчивать на пессимистической ноте, хочу добавить: в конце концов, это всего лишь фантастика, виртуальный мир.

Мы хорошо знаем, что всё преходяще, а Любовь вечна. Взгляните

в окно: там наверняка хорошая погода или не хорошая,

идёт дождь или снег, светит Солнце, а может быть, романти-
ческая Луна, покровительница влюблённых. На дворе, ска-
жем, март или апрель. По утрам, схваченный лёгким мороз-
цем, ещё скрипит снег. А днём на подогретых островках зем-
ли тянется к свету зелёная трава, птицы заливаются брачны-
ми песнями, и сердце сладко сжимается в груди в ожидании
радостных предчувствий.

Мичуринск

12 июня 2019 г.

Альтернатива

*Многие вещи нам непонятны не потому,
что наши понятия слабы: но потому, что
сии вещи не входят в круг наших понятий.*
(Козьма Прутков)

*Мир стал иным. Едва шагнув за ступеньку вагона,
он рухнул в пустоту. Все прежние мысли и ощущения
остались в поезде. Звенящая тишина опустилась
на плечи. Придавила к земле. Засыпала землёй. В конце
длинного коридора угасали последние звуки: глухие,
набатные удары, стоны, незнакомая речь. Последнее,
что послышалось ему: «KrankenBahge»...i*

Шёл третий час глубокой непроглядной ночи. Весь вечер и эти последние часы он жил в двух измерениях: реальном, где чёрная эсэсовская форма была символом власти и безопасности, и в другом – враждебном, где ему, бригаденфюреру СС, генералу фон Райху не было места. Чувство времени оставило его. Мысли смешались в голове, всё перепуталось и разделилось на две части, каждая из которых, цепляясь поочередно за истинное и нереальное, тянула к себе, а затем, утратив силы, обе части сдвигались с места, как два бильярдных шара, катящихся по зелёному сукну в разные стороны.

Франц Райх устал. Устал думать, вспоминать, анализиро-

вать. То, что лежало сейчас перед ним на столе, сводило с ума, не укладывалось и не могло уложиться в сознании нормального человека из любой воюющей в настоящее время армии. Словно в кривом зеркале отразилось непонятно что, которое, быть может, шло к нему долгие годы и наконец настигло на дорогах войны в этом богом забытом украинском городке, лишило покоя и сна, заставило думать и гадать, переосмысливая всё заново. Он достал платок, промокнул вспотевший лоб, другой рукой снял телефонную трубку.

– Слушаю, герр генерал, – тотчас же отозвались на другом конце прямого провода из лагерного лазарета.

– Что с пленным? – спросил бригаденфюрер.

– Он не приходит в себя, несмотря на все наши усилия, – ответил доктор.

– Я хочу посмотреть его ещё раз.

– Пожалуйста, господин Райх.

На улице моросил дождь. В темноте едва просматривалась колючая проволока, которой здесь было обнесено каждое здание. Вышки, пулеметы, – всё, как положено в городе с лагерем для военнопленных. Лазарет располагался в приземистом двухэтажном домике. Здесь проводились допросы пленных комсостава. Каждый день или два к дому подъезжала машина, забирала людей и увозила за город. Там, у глубокого оврага вскоре слышались выстрелы. И снова всё затихало дня на два-три.

Окна лазарета были освещены. Часовой в дверях, щёлкнув каблуками, сделал шаг в сторону, пропуская посетителя за дверь. Со вчерашнего вечера, как только привезли этого русского, бригаденфюрер распорядился поставить у лазарета постоянную охрану. Доктор вышел навстречу.

– Проходите, господин Райх. Пленный находится в отдельной палате, как вы просили.

В палате было чисто и душно, несмотря на открытую форточку. На кровати на белой простыне лежал молодой человек лет двадцати пяти. Худое лицо его было бледным и гладким, без щетины. Заострённый нос, плотно сжатые челюсти, в ушах запёкшиеся капельки крови. Вытянутые ноги не умещались на кровати и были просунуты между прутьями. Одежда отсутствовало. На левом боку нательного белья выделялся искусно вышитый символический кармашек глубиной не более трёх пальцев.

Генерал наклонился над лежащим человеком, пытаясь ощутить его дыхание, однако через несколько секунд вопросительно посмотрел на доктора.

– Он жив, господин Райх, – поспешил заверить генерала доктор, – находится в коматозном состоянии. Полное отсутствие реакций организма на внешние раздражения. Очевидно, это после бомбёжки. Я перепробовал на нём все средства, вплоть до электричества.

Бригаденфюрер скользнул взглядом по лицу лежащего, после чего брезгливо, двумя пальцами, осторожно сдвинул

кисть молодого человека, пытаюсь прощупать пульс. Рука оказалась холодной, как у мертвеца. Слегка припухший безымянный палец стягивало тонкое золотое колечко.

– Пульс слабый, – снова заговорил доктор, – и редкий. Как у спортсмена-гребца, – добавил он.

Генерал достал из кармана платок, вытер руки.

– Это не спортсмен, – сказал он после паузы. – Это журналист.

Обойдя вокруг кровати, Райх подошёл к стулу, на спинке которого висел новенький китель пленного.

После того, как русские самолёты, направлявшиеся на запад, завернули обратно, и, наспех побросав бомбы, ушли восвояси, похоронная команда на станции Шепетовка, собирая немногочисленных убитых у железнодорожного полотна, подобрала наполовину присыпанного землёй военного в необычной униформе. При нём, кроме документов, были обнаружены планшет и фотоаппарат. В тот же вечер «странного» русского, так и не пришедшего в сознание, доставили в лагерь для военнопленных.

За два месяца войны в России, с июня по август 41-го года и ранее Франц Райх не видел у русских такой формы. На правой стороне кителя, прямо над карманом сверкала большая красная звезда. Но не этот орден привлёк внимание бригаденфюрера СС. Вместо привычной гимнастёрки с ромбами на петлицах на обоих плечиках кителя были пришиты погоны. Райх провёл ладонью по одному из них, словно желая

смахнуть с него четыре маленькие звёздочки.

– В карманах больше ничего не было? – наконец спросил он.

– Никак нет, герр генерал, – последовал ответ доктора.

– Слушайте, доктор, это очень важно. – Генерал повернулся, в упор посмотрел на своего подчинённого. – Если до утра пленный не придёт в себя, мы отправим его в Берлин. Я напишу письмо рейхсфюреру. Вы будете сопровождать пленного.

– Так точно, герр генерал. – Доктор невольно подтянулся на носках и стал выше ростом.

– И ещё одно. – Райх достал из кармана фотокассету. – Это надо проявить до утра и сделать хотя бы несколько снимков.

– Я думаю, господин Райх...

– Думайте быстрее, доктор. – Генерал направился к выходу, но доктор, спохватившись, взволнованно выкрикнул ему в спину: «Хайль Гитлер!», отчего лицо бригаденфюрера нервно дёрнулось, и он через плечо с досадой бросил:

– Хайль!

«Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек – задерживать. Темников Федот Георгиевич», – в который раз читал генерал документы пленного, – *«1917 г. рождения, в РККА с 1939 г. Звание – капитан. Должность – спец. корреспондент газеты «Правда». И далее домашний адрес, фамилия жены, вещевое и техническое*

имущество.

Франц Райх вновь остался наедине со своими мыслями. Дождь за окном усилился. Капли дождя звонко стучали по стеклу, нарушая тишину просторного кабинета. На широком диване за ширмой лежала мягкая подушка. Надо бы поспать хотя бы пару часов. Но спать не хотелось. Кто этот человек? Как он оказался на станции? Кругом солдаты, патрули, а он одет в чистую форму с иголочки. На чём он приехал, ведь железнодорожный узел не работает? Может, десант? Но он журналист. Неужели русские самолёты летели за сотни километров бомбить Шепетовку? Тогда должен быть парашют. И потом эта форма. И не только она. Бред какой-то. Райх потянулся к планшету, снова выложил на стол всё его содержимое, которое он несколько часов назад с недоумением, сменявшимся беспокойством и страхом, перечитывал по нескольку раз, словно собственный смертный приговор. Сверху лежала карта Берлина. Бригаденфюрер начал её разворачивать – из неё выпала какая-то карточка. В прошлый раз этой карточки он не заметил. Генерал подобрал её с пола и приблизил к глазам. На карточке по-немецки и по-русски было напечатано: *«Военная администрация Германии. Временная регистрационная карточка»*. И текст: *«Владелец этой карточки должным образом зарегистрирован как житель города..»* Далее, очевидно, должен быть вписан какой-то город. Справа маленький квадрат. Надо полагать, для отпечатка пальца.

– Чёрт знает что! – в сердцах выругался Райх и швырнул карточку на стол. Он зашагал по длинному кабинету, затем резко повернулся обратно, склонился над картой, разложенной на столе. Шея его хищно изогнулась. Генерал впился глазами в знакомые очертания кварталов города, где прошла его нелёгкая юность, где, начиная с 1927 года как активный

член нацистской организации, за шесть лет он сумел подняться по партийной лестнице и обратить на себя внимание Гимmlера, возглавлявшего тогда полицию Баварии. Франц получил звание бригаденфюрера СС, на него была возложена ответственность за организацию и инспекцию концлагерей. «Какая низость, какое кощунство!» – шептали его губы.

– Это провокация! Бесстыдная, беспрецедентная провокация! – вслух произнёс он. Рассудок отказывался что-либо понимать. Перед ним, судя по всему, была штабная трёхцветная карта осаждённого Берлина. Красными стрелками обозначены передвижения русских войск, зелёный цвет указывал на кварталы и отдельные здания, находящиеся под контролем противника. Синим цветом отмечался ход боёв, по-видимому, в тоннелях метрополитена: Это провокация, этому вообще нет никакого названия. Мальчишество. Уловка местных партизан. Но откуда у партизан такая карта? Да и где они? Их нигде нет. А капитан, вон он, в лазарете. Кто он? Провокатор из третьего стратегического эшелона Сталина? Смертник? Где-то на краю сознания, словно в фоторастворе, возникала чудовищная картинка: огромный участок фронта с гигантским котлом оккупированной территории. Танки и самолёты противника. Райх инстинктивно схватился за трубку второго телефона – ни звука. После вчерашней бомбёжки связь не восстановлена. Ложь. Всё ложь.

Он взял себя в руки, достал из сейфа бутылку водки, плеснул в рюмку и залпом выпил. Теперь он начал терзаться от-

того, что вот он, бригаденфюрер СС, генерал, одного слова которого достаточно, чтобы расстрелять здесь кого угодно, вдруг испугался чёрт знает чего. Скорее бы утро. Только бы капитан пришёл в себя. Бригаденфюрер начал думать, какую казнь он придумал бы для русского. Нет, просто так он умереть ему не даст. Хотя бы вот из-за этого почти свежего номера «Тэглихе Рундашау». Эту газету Франц помнил с детства. Каждое утро она появлялась на столе в кабинете отца. Где, в каких русских типографиях печатали такую извращённую ересь? С омерзением Райх прочитал ещё раз: *«Гитлер разрушил Берлин... Красная Армия взяла Берлин с боями. Она спасла город от полного уничтожения»*. И заголовки: *«Как нас обманули!»*, *«Истина против лжи»*. *«Зловонный туман нацистской лжи на протяжении многих лет скрывал от немцев истину...»*

Генерал сложил газету, взглянул на дату: 29 августа 1941 года. А сегодня какое число? Да. 8 сентября. Он усмехнулся – совсем свежий номер. Райх знал, что между страницами газеты есть ещё один документ, но он не хотел его читать вновь, не хотел видеть чисто исполненные подписи, печати. Он помнил этот документ наизусть:

Для освещения в прессе событий Берлинской операции включить в состав зарубежной корреспондентской группы специального корреспондента газеты «Правда»

Темникова Ф. Г.

С.А.Лозовский

заместитель наркома иностранных дел

Райх наполнил вторую рюмку, выпил и наполнил вновь. Он поднес рюмку к губам, но пить не стал. Шлёпнул её донышком на стол так, что водка брызнула на «шапку» газеты, набранную остроконечным готическим шрифтом. Бригаденфюрер ослабил ворот мундира, затем подошёл к окну и кулаком выбил форточку наружу, которая почему-то здесь была без петель и еле держалась на раме окна. Послышался звон разбитого стекла, прохладный ветер и залетевшие в окно капли дождя освежили разгорячённую голову генерала.

Светало, однако вместе с холодным дождём на город опустился туман. Он наполнял улицы, льнул к кустам и деревьям. Время тянулось, словно безнадёжно застряло в воронке песочных часов. Райх пододвинул кресло к окну, взял со стола рюмку, поставил её на подлокотник, сам устроился в кресле, надеясь забыться хоть на несколько минут.

Он увидел своего отца или просто вспоминал о нём, закрыв глаза, видел себя в пивной вместе с ним. Отец разговаривал с кем-то

о кайзере, о величии германской империи, а Франц ел сосиски и, как взрослый, пил пиво. То было трудное время. В стране бушевала инфляция, безработица стала обычным явлением. В крупных городах Германии, а затем повсеместно появились чёрные рынки. Франц стал спекулянтom.

По стране прокатились демонстрации. Демонстранты требовали передачу власти Гитлеру. Однажды на открытом митинге он увидел фюрера, услышал его гневную речь и понял, что ему надо делать. Фюрер говорил о задачах, стоящих перед немецкой нацией: уничтожить коммунистов, социал-демократов и евреев, расширить жизненное пространство Германии. Франц понял – вместо прогнившей республики нужна диктатура национал-социализма. С этого дня он стал считать себя членом нацистской организации.

Райх очнулся от резкого звука. На полу лежала разбитая рюмка, он смахнул её с подлокотника локтем. Генерал взглянул на часы – четверть шестого. Он спал тридцать минут. В это время до его слуха донёсся гул моторов. Франц прислушался: «Наши. У русских бомбовозов монотонный звук на одной ноте». Он глубоко вздохнул, мысли потекли на этот раз по иному руслу, к началу войны, к 39-му году: Европа, события в Польше и, наконец, роковое начало двухмесячной давности. Но почему же роковое? Наши армии успешно продвигаются к Москве. Да, многие генералы и фельдмаршалы тогда не поняли и не одобрили фюрера. Начинать осуществление плана «Барбаросса» было преждевременным решением. Когда Райх узнал об этом, он испытал противоречивые чувства. Впервые за долгие годы он подумал не о судьбе Германии, а о своей собственной. В войне с Россией ему виделось нечто большее, чем обычное противостояние двух стратегических сил. С Россией нельзя воевать наспех, как бы

между прочим, не закончив военных действий на западе. Война на два фронта – это абсурд. Но фюрер велик. Ему одному виднее то, что не смогли они разглядеть все вместе. Очевидно, войны было не избежать. Советские генералы тоже не сидели сложа руки. Накануне войны в западных районах Жуков и Берия словно специально построили дороги для германской армии. Они вовсе не похожи на рокады вдоль предполагаемой линии фронта – обычные добротные дороги с востока на запад или с запада на восток. Разницы нет. А сколько в наши руки перешло строительных материалов, разборных мостов. Странные русские. Они не готовились к обороне? К чему-то они готовились? Наши самолёты беспрепятственно рассматривали их позиции с воздуха, и их никто не сбивал. Никто не жаловался – нарушаете границу. Впрочем, их самолёты над нашей территорией тоже не трогали. А когда в июне начались военные действия, Гудериан успешно переправился через Буг. Мосты были не заминированы. 4-ю и 10-ю русские армии он без потерь расстрелял в упор, после чего спокойно направился к Минску. Да, трудно понимать чужой народ. Война вот-вот начнётся, а у них нет системы самозащиты: дороги не разрушены, не затоплены, не заминированы; полоса обеспечения уничтожена; мосты на Даугаве, Березине, Немане, Припяти не взорваны? Даже укреплённые районы на старой границе ликвидированы? Что это? Преступная халатность русских? Досадный просчёт? Или, может быть, чудовищная ловушка Сталина?

Фу-у! Варварство.

А у меня этот пленный со своей дурацкой картой и газетой.

Гул моторов в небе нарастал. Бригаденфюрер выпрямился в кресле и прислушался. Ему чудился ровный монотонный звук на одной ноте. Это не «юнкерсы»! Он вскочил на ноги, подбежал к столу, схватил трубку телефона. Телефон по-прежнему не работал.

– Когда же наконец наступит утро! – закричал он. Потом заметался по кабинету крупными шагами до шкафа у противоположной стены с папками и книгами, от него к окну вокруг кресла и снова к столу. Ему хотелось знать что происходит, что произошло в мире за двенадцать часов. Но за окном ещё тянулась ночь, а над головой гудели вражеские самолёты.

Два месяца назад, в первый же день войны с Россией советская авиация понесла огромные потери, тем не менее вела себя дерзко и агрессивно. Райх вспомнил, как через два часа после начала войны русские самолёты нанесли мощный удар по Кенигсбергу. Утром 22 июня генерал-полковник Кузнецов, очевидно, не дожидаясь приказа из Москвы, отдал свой приказ войскам Северо-Западного фронта нанести удар в направлении Тильзит в Восточной Пруссии. Опрометчивая реакция, но решительная. Неизвестно, какая бы сложилась ситуация, если бы русские смогли нанести удар первыми.

Устав от ходьбы, Райх снова опустился в кресло.

Но что произошло вчера? Бомбили станцию, а потом словно с неба свалился журналист. А сейчас? Куда летят эти самолёты?

Ни на один из вопросов, которые всю ночь не переставал задавать себе, бригаденфюрер ответа не находил. А за окном по-прежнему лил дождь – и не было связи.

В семь утра к дому, где находилась резиденция фон Райха, подкатила «эмка». Из неё выпрыгнул доктор и опрометью помчался к парадному входу. Спотыкаясь, стал подниматься по ступенькам. Часовой в дверях, не узнав в жалкой фигуре, одетой в синий халат, с взлохмаченными волосами и осунувшимся лицом лагерного «лекаря», решительно щёлкнул затвором автомата. Доктор, поравнявшись с ним, что-то прохрипел ему в ухо – часовой с испуганным лицом вытянулся в струнку. Протопав по коридору, без стука доктор ввалился в кабинет Райха и застыл в дверях, немигающими глазами глядя в лицо генерала. Бригаденфюрер с презрением осмотрел его с головы до ног, заметил в руках четыре, видимо, ещё мокрые фотографии, почувствовал неладное, но как можно спокойнее спросил:

– Что случилось? Русские взяли Берлин?

– Да! – взвизгнул доктор. Он преодолел расстояние до стола, бросил на карту Берлина влажные снимки. – Что это, господин Райх?

Брови генерала поползли вверх, глаза налились кровью. На снимках были отсняты эпизоды уличных боёв. И на од-

ном – мой бог! – разбитое здание рейхстага с развевающимся над куполом флагом без свастики. Битое стекло, щебень, искорёженное орудие, труп немецкого солдата. Генерал подвинул к себе другой снимок, на котором была видна всего лишь часть стены разрушенного здания. Под толстым слоем пыли читалось: «Вильгельмштрассе». Здесь на Вильгельмштрассе находилась Имперская канцелярия. Но на снимке прямо по запылённой надписи кто-то пальцем вывел русское матерное слово, по-видимому, здесь означавшее «конец». Райх поднял глаза на доктора, но тот в это время читал газету. Рот его был похож на жаберные щели акулы, он то открывался, то закрывался вновь, а выпученные сверх меры глаза смотрели в одну точку. Генерал проследил его взгляд и прочитал: *«Впервые перед судом предстанут преступники, завладевшие целым государством и самоё государство сделавшее орудием своих чудовищных преступлений...»*

Бригаденфюрер вскочил со своего места и, хотя доктор не произнёс ни слова, прокричал:

– Молчать! Доктор, готовьте пленного!

– Я н-не могу... – выдавил наконец из себя доктор. Райх подошёл к нему вплотную, задыхаясь в злобе, повторил:

– Готовьте пленного! Мы едем на аэродром!

– Погода нелётная, господин Райх!

– На аэродром-м! – гремел генерал.

•••

Потолок был белым, ослепительно белым, на него стало невозможно смотреть. Федот прикрыл глаза. Так ти-

хо. Но время от времени тишину нарушал далёкий тонкий свист, словно где-то рядом закипал чайник. Федот попробовал пошевелиться, ему показалось, что он повернул голову. На самом деле прекратился свист. Тишина продолжалась недолго. Через несколько секунд после слабого щелчка свист возобновился, назойливый, нудный. Кроме потолка, ничего не было видно. Федот даже не знал, на чём он лежит. Что с ним случилось? Он пытался что-то вспомнить. Поезд. Вагон с военнослужащими. Он сошёл с поезда. А дальше? До этого они долго стояли в Ровно. Федот вышел в тамбур, попросил у стоявшего там лейтенанта бездымную сигарету. Они говорили о войне, лейтенант пригласил его в своё купе выпить за Победу, но они отложили на потом. А пока Федот вернулся в купе, взял планшет, фотоаппарат, решил выйти и во что бы то ни стало дозвониться до Москвы. Вот он отрыл дверь вагона, шагнул за ступеньку... дальше вспоминать было нечего.

Федот почувствовал струю свежего воздуха, догадался, что кто-то вошёл, и на всякий случай закрыл глаза, оставив лишь узенькую щёлочку. Над ним склонилась женщина в белом халате. Секунду-другую Федот колебался, потом осторожно разомкнул веки. Женщина сразу отпрянула. Кровать слегка покачивалась, возле неё, кроме женщины, топтались два или три человека. Неожиданно перед ним в чьей-то руке появился лист бумаги. На нём по-немецки было написано: «Как ваше имя?» «Ещё лист, другой вопрос: «Можете ли

вы говорить?» Говорить Федот не пробовал, и на каком языке объясняться теперь не знал, поэтому решил промолчать. Ему завернули рукав, на сгиб локтя упала прохладная ватка, стальная игла вошла в вену. Горячая волна пролилась по всему телу, но руки и ноги по-прежнему не слушались. Веки стали ватными, а тело невесомым. Струя воздуха ударила в лицо – люди вышли, оставили его одного.

– Что будем делать, Юрий Викторович?

– Ничего страшного, – ответил врач, пропуская медсестёр в коридор. За дверью переминался с ноги на ноги красноармеец. – А вы, товарищ боец, побудьте пока здесь, присмотрите за больным. Мы скоро вернёмся.

– Это можно. – Красноармеец улыбнулся девушкам. – Никуда фриц не денется.

– Вы хорошо знаете немецкий? – спросил Юрий Викторович у медсестёр, когда они вошли в свободное помещение.

– Плохо, – засмутились девушки.

– Что ж, надо найти переводчика.

– А что с больным, Юрий Викторович?

– У него ожог на правой ноге и, вероятно, ещё контузия, барабанные перепонки однако целы. Он должен слышать и говорить. Дайте ему поесть. Но меня беспокоит другое.

– Что? – в один голос спросили медсестры.

– Я затрудняюсь определить группу крови, – ответил врач. Между тем больного разбудили птичьи голоса. Окно было

открыто. Воробьи чирикали так громко, что Федот от неожиданности привстал на локте. Теперь он мог осмотреть место, где находится. На больничную палату не похоже. У стены четыре огромных, наглухо закрытых, железных шкафа, кровать, он на ней лежит, в углу какое-то странное кресло, маленький столик, на нём графин с водой, стакан и два листка бумаги с вопросами, на которые он не ответил. Единственное окно с открытыми ставнями и узкая двухстворчатая дверь. Федот хотел спустить ноги на пол, подойти и заглянуть в окно, но правая нога пылала огнём, будто её сунули в костёр. Он завернул край одеяла, увидел покрасневшую ступню с мелкими блестящими пузырьками. Нет, встать не получится. Голова снова спустилась на подушку. «Где это меня угораздило? Куда я попал? К немцам, что ли?» – не переставал он мучительно соображать.

В коридоре слышались шаги. В комнату поочерёдно вошли три женщины и мужчина. Заметив больного с открытыми глазами, женщины сразу направились к кровати. Одна из них, чуть наклонившись, поздоровалась:

– Гутен так.

Федот не ответил на приветствие. Под белым халатом он разглядел советскую форму войск связи.

– Вы можете сесть? – снова по-немецки спросила женщина.

– Я попробую, – также по-немецки ответил больной.

Девушки подхватили его под локти, помогли опустить но-

ги на пол. Федот тут же почувствовал слабость, голова закружилась. Но он не подал виду.

– Как вас зовут и кто вы? – последовал очередной вопрос.

– Моя фамилия Темников. Темников Федот Георгиевич Я корреспондент газеты «Правда».

Четверо присутствовавших с недоумением посмотрели друг на друга. – Как, вы русский? – воскликнула переводчица.

– Разумеется.

– А почему отвечали по-немецки?

– А почему вы спрашивали по-немецки? – в свою очередь удивился Темников.

– Одну минуту, – вмешался мужчина, который молча наблюдал эту сцену. – Очевидно, молодой человек не помнит каким образом он попал к нам.

– Юрий Викторович, – прервала врача переводчица. – Я обязана доложить коменданту города.

Когда за переводчицей закрылась дверь, медсестры пододвинули столик к кровати.

– Вам надо поесть, товарищ корреспондент.

– Спасибо, девушки, мне не хочется.

– Выпейте хотя бы молока. У нас здесь парное молоко и очень вкусный хлеб.

– Хорошо. Молока, пожалуй, я выпью.

Пока Федот ел только что испечённый хлеб и запивал его молоком, молча слушал собственную историю, которую по-

ведал ему врач. Не ощущая ни вкуса, ни запаха хлеба, Темников сосредоточенно жевал, понимая, что помимо его воли произошло нечто из ряда вон выходящее. Как профессиональный журналист он, конечно, не мог не заинтересоваться необычной историей немецкого бомбардировщика, приземлившегося на полевом аэродроме города Трубчевска Брянской области, где в настоящее время по неизвестно чьей воле находился сейчас Федот. Но, во-первых, откуда после войны в небе над Россией мог появиться «Юнкерс»? И, во-вторых, что вовсе неубедительно, – врач утверждает, что его, корреспондента, будто бы с риском для жизни вынесли из горящего самолёта.

Темников осторожно встал с кровати, пошатываясь, под страховкой обеих медсестёр приблизился к окну. Окно выходило во двор. В П-образном здании, где они находились, видимо, ранее располагалось учебное заведение. По всему двору разбросаны поломанные парты, столы и стулья. Левое крыло на уровне третьего этажа и выше было разрушено. Но не битое стекло, не обвалившаяся крыша, явный след бомбового удара, не взволновали журналиста больше, чем куча макулатуры из разорванных тетрадей, газет и журналов. Бумажная куча, источая сине-жёлтые клубы дыма, пылала посреди двора. Федот отвернулся от окна. Девушки, увидев его испуганное лицо, тоже почему-то испугались.

– Что с вами, товарищ корреспондент?

– Я не знаю. – Он шагнул к столику, схватил листок бума-

ги с написанным на нём по-немецки вопросом и стал внимательно рассматривать. Нет, не написанное интересовало его. Федот осматривал бумагу на просвет, щупал её со всех сторон, затем сложил листок пополам и с удивлением провёл пальцем по линии сгиба, слегка надорвал краешек, – глаза его при этом лихорадочно сверкали. Наконец он спросил:

– Где моя одежда, мой китель? Я должен немедленно позвонить в Москву.

– Молодой человек, – сухо ответил врач. – На вас была форма немецкого солдата. Вы хотите её надеть?

Темников сжал голову руками и опустился на кровать.

Дверь широко распахнулась. В комнату вошли двое военных: седоголовый майор и высокого роста мужчина, военюрист второго ранга. Майор поздоровался со всеми, обращаясь к журналисту, сказал:

– Я комендант города. Ваша фамилия Темников?

Федот поднял голову, в глазах его засветилась надежда.

– Товарищ комендант; мне нужно срочно в Москву. Произошло какое-то недоразумение. Я не знаю почему я здесь. Где мои документы, фотоаппарат?

– Вот об этом мы и хотели с вами побеседовать, – заметил военюрист.

– Мы навели о вас справки. Читай, – обратился комендант к юристу.

Высокий мужчина раскрыл блокнот, исподлобья подозрительно посмотрел на журналиста.

– Если вы действительно тот, за кого себя выдаёте, – начал он, – то по законам военного времени вы считаетесь пропавшим без вести. Но поскольку сегодня утром вас обнаружили в весьма неприглядном месте и в не более приглядном виде, то характеристика «дезертир» по отношению к вам – это чересчур мягко сказано.

– Мне уже рассказали, – прервал юриста Темников, – но уверяю вас, я не имею к этому самолёту никакого отношения. Я ехал в поезде.

– Не перебивайте меня. – Военюрист зачитал из блокнота: – Темников Федот Георгиевич, спец. корреспондент газеты «Правда», 18 июня 1941 года был направлен в командировку в Минск, откуда должен был выехать на войсковые учения. После начала боевых действий на границе, иными словами, после начала войны 24 июня от Темникова Ф. Г. поступила первая и единственная корреспонденция, после чего Темников исчез. – Федот открыл было рот, порываясь что-то сказать, но юрист поднял палец и продолжил: – Однако через месяц выяснилось, что с момента исчезновения журналист Темников находился в 24-ой дивизии генерала Галицкого, которая 26 июня попала в окружение. После соединения означенной дивизии с частями Красной Армии журналиста Темникова в составе дивизии не оказалось. Что вы на это скажете, товарищ капитан, если вы тот самый, разумеется, капитан?

Федот бессмысленно переводил взгляд с одного лица

на другое, посмотрел на медсестёр, по-прежнему стоявших рядом с ним возле кровати, – все ждали от него объяснений.

– Я повторяю – это чистое недоразумение. Отправьте меня в Москву.

– Пока мы не установили вашу личность, – ответил военюрист.

– Тогда пусть приедут из редакции.

– Если будет необходимость.

– Но из всего того, что вы здесь зачитали, верно лишь то, что я – журналист Темников. Всё остальное не совпадает не только с моей двухмесячной биографией, но и, простите, с истинным положением дел на фронте.

– Что вы имеете в виду? – спросил комендант.

Темников молча смотрел на свои босые ноги.

– Я задал вопрос, капитан.

– Мне непонятен ваш вопрос. Могу только сказать, что в течение всей наступательной операции с июля по октябрь ни одна войсковая единица Красной Армии не попала в окружение.

Военюрист и майор переглянулись.

– Та-ак, – протянул юрист. – Откуда вы ехали поездом?

– С Бреста.

– Как вы там оказались?

– Добирался самолётом.

– Постойте, вы сказали, что не имели никакого отношения к самолёту.

– Это был наш самолёт, ТБ-3. Я летел на нём из штаба фронта.

– Какого фронта?

– Хватит из меня делать дурака, – вспылил Федот. – Сейчас не 37-ой год. Я не дезертир и не враг народа.

– Девушки, вы можете идти, – тихо сказал комендант.

Когда мужчины остались одни, майор шагнул к журналисту, поднял его с кровати за подбородок и со злостью проговорил в лицо:

– Слушай ты, капитан, на аэродроме, спасая тебя, в перестрелке погиб офицер, мой лучший друг. – Он выдержал паузу. – Я расстреляю тебя, шкура.

– Вы можете позвонить в штаб фронта, – на что-то ещё надеялся Темников.

– Куда звонить?

– В Берлин.

– Может, сразу в Имперскую канцелярию? – Комендант посадил капитана обратно на кровать. – До завтра, писатель.

Федот почувствовал руку на плече. Он поднял голову – рядом с ним стоял врач. Всё это время он находился в комнате и в разговоре военных не принимал участия.

– Я помогу вам, Федот Георгиевич.

Темников уронил голову на руки.

– Ничего не понимаю. Ни-че-го. Как будто все сошли с ума – или я сошёл с ума.

– Возьмите себя в руки, товарищ капитан. Не могу сказать

почему, но у меня странное предчувствие, что вы в чём-то правы. Теперь у вас есть только один выход.

– О чём вы? Какой выход?

– Вы только что сказали об этом.

Федот дёрнул головой. – Да вы что!

– Поймите, вам не надо прикидываться сумасшедшим. Говорите то, что есть, – этого будет достаточно. До утра есть время. Держитесь. Я найду вам хорошего психиатра.

Вечером Юрий Викторович в последний раз посетил больного. Он положил на стол листки бумаги, карандаш и сказал, что специалист приедет рано утром, после чего добавил, будет лучше, если больной спокойно и последовательно изложит всё случившееся с ним на бумаге. Ночью Темников вышел в коридор. Дежуривший у двери красноармеец поднялся со стула, проводил корреспондента во двор. Возвращаясь обратно, Федот попросил у бойца закурить. Тот протянул папиросу, но когда Федот вернул её обратно, попросил бездымную сигарету, красноармеец глупо улыбнулся и не нашёлся что ответить, а, глядя в спину удалявшегося по коридору корреспондента, поднял руку и повертел у виска пальцем.

Заснуть долго не удавалось. Скорее бы утро, быстрее бы наступила развязка. Однако нервная и физическая усталость взяли своё. Он задремал...

За окном мелькали полустанки, телеграфные столбы, под ногами стучали колёса, а перед ним сидел улыбающийся лей-

тенант с малиновыми петлицами войск НКВД. Они были в купе одни и пили за Победу. Федот чувствовал себя неудобно, потому что сидел перед офицером в одном нательном белье с босыми ногами. А лейтенантпил, улыбался и говорил голосом Юрия Викторовича: «Я помогу вам, товарищ капитан. Вот ваша форма». – Он протянул ему капитанский китель с петлицами, без погон. – «Одевайтесь. Я провожу вас». – Они стояли в тамбуре у раскрытой двери, курили. Мимо проплыло разрушенное здание станции с сохранившейся вывеской: «Шепетовка». «Пора, – сказал лейтенант. – Теперь вы знаете о чём писать». Поезд останавливался. Федот опустился на ступеньку ниже, уже занёс ногу на перрон – неожиданно воздух разорвал сильный нарастающий свист...

От взрыва дрогнули стёкла. Федот вскочил с кровати. Снова раздирающий душу свист. Он рванулся в коридор.

– Что случилось? – Голос утонул в грохоте взрыва, звоне выбитых стёкол.

– Немцы переправу на Десне бомбят, – объяснил красноармеец. – Не прицелились, видать.

– Немцы? – Ах, да, – спохватился Темников.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ капитан. В город они больше не сунутся. А ежели спать не сможете, так вот, Юрий Викторович передал. – Красноармеец присел на корточки. Рядом с горящей керосиновой лампой на полу стояла другая такая же. Он приподнял стеклянный колпак, сунул под него зажжённую спичку. – Вы от окна подальше садитесь.

Корреспондент поблагодарил бойца, взял лампу и вошёл в комнату. Бомбёжка переправы прекратилась. Наступила удивительная тишина.

На рассвете на взмыленных лошадях, запряжённых в старый тарантас, приехал врач-психиатр. Шёл дождь. Сопровождаемый двумя автоматчиками, врач в жёлтом, накинутом на плечи кожаном пальто, прошли в здание школы. Они уверенно двигались по коридорам, пока не остановились у нужной им комнаты. Дежуривший у двери часовой препятствовать им не посмел. Автоматчики молча заняли его место.

– Федя!

– Пашка! Ты?! – Темников бросился к вошедшему человеку, тот схватил его в охапку, стиснул в огромных волосатых руках.

– Федя!

– Да не Федя – Федот. Пусти, горилла!

– Федот да не тот. Я всегда тебя Федькой звать буду. – Павел поставил друга на пол. – Ночью Санин ко мне заявляется, ваш Юрий Викторович, я его в госпитале вместо себя оставил, и говорит, мол, журналиста тут одного расстрелять хотят. Я ему – кто таков? А он – так и так. Мать честная! Я ж в России только одного врача-журналиста знаю. Мы с ним, говорю, вместе медицинский заканчивали, это он после в журналисты подался. Где? А ты вот он, как с неба свалился. Собирайся, Федя. У меня в тарантасе есть одежда

– Погоди, Паш. Ты бы хоть спросил меня об чём-нибудь.

– Я всё знаю. Мне Санин рассказал. И потом, я верю каждому твоему слову. Они тебя сегодня все равно найдут. Но ты будешь в моем госпитале рядом со мной. У меня специальность – психиатр, ты знаешь, это на войне меня мясником сделали. Я напишу на тебя профессиональное заключение, никто не посмеет пальцем тебя тронуть.

Федот прошёлся по комнате, остановился у стола, задул лампу. Из окна струился слабый свет. Темников подошёл к кровати, опустился на жёсткое ложе, глядя в темноту у двери, где остался его друг, произнёс:

– Я не могу поехать, Павел. Это похоже на дезертирство.

– О чём ты говоришь, Фёдор! Какое дезертирство? Господь с тобой.

Павел шагнул из темноты, с грохотом выдвинул из угла уродливое кресло, присел возле Федота,

– Ну что ж, рассказывай. До восхода солнца у нас пока есть время. Чего там Санин толковал о каком-то самолёте? Ты прилетел на нём из Берлина? Я готов в это поверить, ты ведь журналист. Чему тут удивляться? Каждый делает то, что он должен делать и то, что он может делать.

– Я знаю, – прервал друга Темников, – врачи-психиатры должны во всём верить своим пациентам.

– Ты брось, Федя. Я прошу не обижать меня. Прежде всего, я тебе друг, а уж потом психоврач или врачепсих, как угодно. Я тебя знаю, как никто другой, может, лучше, чем

твоя жена, ты с ней и года ещё не прожил. Думаешь, я забыл, как в институте медицина постепенно уходила у тебя на второй план. Ты писал свои фантастические рассказы и жаловался, что в редакциях тебя не понимают. Помню, читал что-то у тебя в одной местной газете, а ты говорил, что рассказ изуродовали, как нарочно выбросили ключевые места. – Павел достал из кармана папироску и зажигалку, положил тяжёлую руку Федоту на плечо. – Ну а теперь что-нибудь фантастическое ты можешь мне предложить?

– Могу, Паша,

– Давай. Я весь внимание.

Темников двумя пальцами извлёк из неглубокого карманка на левом боку сложенный вчетверо небольшой листок бумаги зеленоватого оттенка. Павел с интересом следил за рукой Федота. От его внимания не ускользнула примечательная деталь: едва сложенный клочок бумаги появился над карманом, он тут же самопроизвольно раскрылся в пальцах корреспондента, почти мгновенно утратив поперечный крест линий сгиба. Федот протянул бумагу. На ней размашистым почерком было что-то написано.

– Это всё, что у меня осталось, – сказал он. Никому не пришло в голову проверить карман нательного белья.

Павел осторожно взял бумагу и сначала с любопытством осмотрел её, пощупал пальцами, не обращая внимания на написанное. Но когда начал читать записку, выронил папиросу, вскочил с кресла и бросился к окну. Там он несколь-

ко раз пробежал глазами короткие строчки, брови его нахмурились. Павел недобро покосился на Федота.

– А вот за это, – он чиркнул зажигалкой, – тебя расстреляют без всяких психиатрических привилегий.

Уголок записки коснулся пламени зажигалки. В месте соприкосновения вдруг возникло яркое свечение. Бумага поменяла свой цвет сначала на красный, затем стала ослепительно белой. Павел погасил зажигалку, но уголка у записки уже не было – с этого уголка она начала медленно исчезать без дыма, пламени и пепла. Казалось, что маленький бумажный треугольник равномерно опускают в невидимую щель, куда строчка за строчкой навсегда уходила неправдоподобная информация: *«Берлин. 7 сентября 1941 г. Штаб 1-го Белорусского фронта. Доставить корреспондента Темникова в город Янув, где пересадить на ТБ-3, следующий в Москву. Маршал Жуков»*. От записки остался маленький кусочек. Из теплого он сделался горячим, держать его стало невозможно. Врач разжал пальцы. Клочок бумаги, не долетев до пола, растворился в воздухе.

Наступила продолжительная пауза. Павел отыскал на кресле папиросу, закурил.

– Тебя что-то удивляет? – спросил Федот.

– Да. Удивляет собственный выбор профессии. Меня практически невозможно уличить в сумасшествии.

– Может быть, угостишь бездымной сигаретой?

– Какие к чёрту бездымные сигареты?

– Но я курю только такие. То, чем ты сейчас дышишь, у нас стоит бешеные деньги. Дорогостоящая технология изготовления,

– Ну хорошо. А почему они бездымные?

Павел хотел спросить о другом, но ухватился за это, тоже ему непонятное. Федот спокойно пояснил:

– При определённых температурных условиях некоторые вещества аннигилируют. Процесс легкоуправляем.

– И где, по твоему разумению, курят такие сигареты?

Темников пожал плечами.

– До сегодняшнего утра, по своему разумению, считал, что везде. Кроме того, я думал, что мой лучший друг по альма-матер, врач-психотерапевт Павел Власов всегда курил только лечебные сигареты.

– Выходит, я не тот Павел Власов, – усмехнулся врач.

– Как и я, не тот Федот, – подытожил Темников.

– Послушай, товарищ корреспондент, давай начистоту, а то я что-то запутался: ты мне в двух словах говоришь правду, а я тебе медицинское заключение.

– Заключение мне твое не нужно, а правду ты только что сжёг своими руками.

– Это пиротехническая штука, за которую тебя точно поставили бы к стенке.

– Нет, это не штука – Темников указал врачу на кресло. – Садись и выслушай меня, пожалуйста, молча.

Павел послушался. Федот плеснул из графина в стакан во-

ды, отпил глоток и начал говорить:

– Твой друг Федот Темников пропал без вести. Его отправили в командировку в Минск, там он попал в окружение. Паш, я сам толком не понимаю, что вокруг происходит. Я тоже тебя хорошо знаю, могу рассказать твою биографию, но до сегодняшнего утра мы с тобой никогда не встречались. Записку, которую ты сжёг, мне написал командующий фронтом. До польского городка Янув я добирался на его самолёте, а там пересел на ТБ-3. Но до Москвы мы не долетели, почему-то пришлось задержаться в Бресте. Я понял, что мои репортажи из Берлина безнадёжно устарели, и отправился из Бреста поездом. Каким образом я оказался в немецком «Юнкерсе», не знаю. Из поезда выходил на станции Шепетовка. А сейчас нахожусь, как мне сказали, в городе Трубчевске.

– Надо полагать, – заметил Власов. Он достал пустую пачку папирос, заглянул в неё, скомкал и швырнул в угол. – А командующий фронтом чем занимался в Берлине?

– Паш, – Темников подозрительно посмотрел на Павла – Паш, ты мне не веришь?

– Почему? Верю.

– Я понимаю, это трудно перепроверить, но это существует независимо от нас, как бы рядом с нами или даже в нас самих, если хочешь. Иногда не мешает пошевелить мозгами, между прочим.

– Ты писатель-фантаст, тебе и карты в руки, – заметил

Павел.

Но Федот пропустил замечание мимо ушей.

– Как теперь мне хорошо видно, – продолжал он, – ход истории представлен практической альтернативой, без которой, к сожалению, история не может получить динамического развития. Как угол падения равен углу отражения, так и альтернативные варианты уравновешены и не могут существовать друг без друга. Кто извлекает из них уроки, мы не знаем. Зачем? – Федот помедлил. – Сам чуть было не свихнулся, когда днём увидел во дворе, как горит ваша бумага.

Они помолчали. Павел смотрел в окно на кусочек светлеющего неба над разбитой крышей здания школы. Потом, словно самому себе, сказал:

– Позавчера тут шли тяжёлые бои. Немцы впервые драпанули от нас. Танки их прорвались за Десну, ночью переправу бомбили. Ты слышал?

– Да, – ответил Федот. – Мне было странно это слышать. Я считал, что война осталась далеко на западе. Операция «Гроза» началась 6 июля в половине четвёртого утра. Днём по радио сообщили о начале великого освободительного похода Красной Армии. В первые часы войны немцы потеряли почти всю свою авиацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.